

ПОРТРЕТ
АРТИСТА

Мастер оперной сцены

Мы привыкли относиться к оперным певцам несколько однобоко — требовательно в отношении вокала и довольно снисходительно в отношении актерского мастерства. Если певец обладает красивым голосом и преодолел тайны искусства пения, то ему прощаются сценическая неуклюжесть, манерность, невыразительность игры. Актер, овладевающий великим искусством синтетического жанра оперы, не только поет, но и создает яркий сценический образ.

У нас, к сожалению, очень немногие певцы сознают необходимость такого синтеза. О народном артисте Армянской ССР Давиде Михайловиче Погосяне можно с уверенностью говорить — это оперный актер. И актер большого драматического дарования. Когда вспоминаешь галерею сценических образов, созданных им, то за их перечнем тут же встают живые персонажи, яркие, колоритные, индивидуально неповторимые. Это одержимый великой любовью к Родине Амонасро, изощренный ханжа и лицемер дон Базилио, трагический Симон, олицетворяющий яркий сарказм и презрение к людям Мефистофель...

Каждый раз, когда Давид Погосян в той или иной роли появляется на сцене, он сразу завладевает вниманием сидящих в зале, и зритель уже не упускает его из поля зрения, следит за его действием, за ходом развития, становления образа.

Одной из больших творческих удач певца является образ Мефистофеля. В его трактовке он мягок и жесток, доверчиво вкрадывается в душу и роняет в нее ядовитые семена, он презирает людей и издевается над человеческими слабостями. Мефистофель Давида Погосяна лишен ложного драматизма. Талантливый актер внешне, в пластических движениях и жестах, выражении лица даже скуп, но чрезвычайно выразительно ле-

пит образ через синтез впечатляющего пения и сдержанной актерской игры. У Давида Погосяна созвучный специфического тембра голос, диапазон которого позволяет ему не только легко преодолевать баритоновые, но и басовые партии. Прекрасно владея голосом, он подчиняет его художественной задаче, донося до слушателя малейшие штрихи, сложные переходы настроения своего героя. Ни одно слово не упускается им. Он не просто обладает хорошей дикцией, а осмысливает каждое слово. Мефистофель в трактовке Погосяна не злобнее — утрашающий, а тонко иронизирующий образ. Такому актерскому решению больше веришь, оно ближе к художественной правде.

Мефистофель — один из ранних образов, созданных Д. Погосяном. Но на протяжении многих лет (свыше тринадцати) он не переставал быть актуальным. Недавно в нашем оперном театре мы снова услышали Погосяна — Мефистофеля. По-прежнему он свежо и увлеченно исполняет знаменитые куплеты и серенаду Мефистофеля.

Актерский диапазон Погосяна достаточно широк. Рядом с Мефистофелем — колоритный дон Базилио, в партии которого Д. Погосян предстает в новом облике. Выразительная мимическая игра, богатство вокальной интонации, динамика слова, яркость актерского поведения — все это вместе создает выпуклый, запоминающийся образ.

А вот совершенно иной персонаж.

...Пышные пиршества, устроенные в честь победителя Радамеса, достигают своей кульминации, когда на сцену выходят окованные цепями пленники. Все они сбиты в одну кучу, никто не выделен на первый план. И все же зритель сразу выхватывает из этой толпы одну фигуру, на первый взгляд, ничем не примечательную. Но в

этом пленнике столько сдерживаемой ярости, в его движениях столько неукротимой страсти и внутренней силы, что поневоле проникаешься состраданием и уважением к этой волевой, свободной, любившей натуре. Это эфиопский царь Амонасро. Д. Погосян наделяет его гордостью, благородством, непоколебимой убежденностью в своей правоте. Когда в сцене у Нила он уговаривает Андю выведать у Радамеса военную тайну, то думаешь не о том, что он толкает свою дочь на преступление, а о бушующей в его груди любви к родине, свободе.

У Давида Погосяна в опере нередко бывают небольшие партии, эпизодические роли. Наделив такой образ живыми красками, заставить зажить его полноценной сценической жизнью — высокая задача, которая под силу актеру с большим дарованием. Помните, какое трагическое звучание получает образ старика Симона в опере А. Степаняна «Лусабацин». Эта небольшая эпизодическая роль в трактовке Д. Погосяна приобретает почти центральное значение.

Невозможно без волнения вспомнить вторую картину оперы, когда в разгар дикой оргии пьяные дашники заставляют танцевать Симона.

Этот танец дряхлого старика, согнувшегося под тяжестью бедствий и голода, сопровождаемый пьяным улюлюканьем озверевших маузеристов, производит жуткое впечатление. В этом страшном, безумном танце старик Симон (Д. Погосян) теряет ритм, движения его судорожны, седые волосы всклокочены, он кружится, словно в агонии, пока хмбает. Огсен... В слепой ярости не пристреливает его. Среди объятых ужасом односельчан в центре распростерлось тело убитого Симона.

В этом образе актер достигает огромной силы драматизма. От об-

раза к образу актер Д. Погосян лепит выразительные, впечатляющие реалистические характеры, всюду сохраняя гармонию всех компонентов специфического искусства оперного актера, соблюдая художественный такт и меру. Впереди у него — новые творческие достижения, новые художественные задачи.

М. ТЕР-СИМОНЯН.

На снимке: Мефистофель — Д. Погосян.

Фото В. Касабяна.